

Научная статья / Article

УДК 821.161.1

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-2-40>

**«Реконструкция планеты»¹: идеи технократической утопии
в русской литературе 1920–1930-х годов**

Людмила Викторовна Гурленова

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина,
Сыктывкар, Россия, ORCID: 0000-0003-1216-7644, GurlenovaLV@syktsu.ru

Аннотация. В русской культуре 1920–1930-х годов получила широкое распространение критика природы — естественной среды обитания человека. Она приобрела название «первой» природы, оценивалась как жизненное пространство, не дающее достойных для человека условий жизни. Это стало условием формирования радикальной технократической позиции, центром которой было требование создания «второй» природы, то есть природы, созданной человеком с помощью науки и техники. На основе этой позиции создавались различные проекты изменений природных условий жизни человека, утопические по своему характеру. Их авторы представляли устройство земного и космического пространства как простой механизм, который может быть улучшен человеком.

Участие в обсуждении вопроса об улучшении естественной среды жизни человека приняли писатели различных идейно-художественных платформ. Лидерами были авторы пролетарской литературы, М. Горький, А. Платонов, представители «научной поэзии». Идеи радикального изменения природы сочувствовали даже крестьянские писатели.

Проекты «переделки» природы предлагались в художественных произведениях, научных трактатах и публицистике. Побудительным мотивом авторов таких проектов было желание преодолеть голод, бедность, неудобства ландшафта и климата. В статье рассматриваются конкретные идеи в названной области, предложенные известными представителями культуры того времени — К. Циолковским, А. Платоновым и Л. Леоновым.

Ключевые слова: литература, радикально-технократические проекты, утопизм, естественная среда, «вторая» природа

© Гурленова Л. В., 2023

¹ А. Платонов. Великий работник // Платонов А. Чутье правды. М.: Сов. Россия, 1990. С. 207.

Для цитирования: Гурленова Л. В. «Реконструкция планеты»: идеи технократической утопии в русской литературе 1920–1930-х годов // Человек. Культура. Образование. 2023. № 2. С. 40–58. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-2-40>

«Reconstruction of the Planet»: Ideas of Technocratic Utopia in Russian Literature of the 1920s-1930s

Ludmila V. Gurlenova

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia,

ORCID: 0000-0003-1216-7644, GurlenovaLV@syktsu.ru

Abstract. *In the Russian culture of the 1920s-1930s, the criticism of the nature — a native habitat of the person — was widely adopted. It received the name of the "first" nature and was estimated as the vital space without giving living conditions worthy for a person. It became a condition of formation of a radical technocratic position with the center of a requirement of creation of the "second" nature, the nature created by a person by means of science and equipment. Based on this idea various projects of changes of an environment of human life, utopian in character, were created. Their authors represented the terrestrial and space formation as a simple mechanism to be improved by a human.*

The question of improvement of habitat of human life was discussed by writers of various ideological and art platforms. Such writers of a proletarian subject as M. Gorky and A. Platonov, representatives of "scientific poetry", became their leaders. The idea of a radical change of the nature was supported even by village prose writers.

The alteration projects of nature were offered in works of Fine Arts, scientific treatises and journalism. The desire to overcome hunger, poverty, inconveniences of a landscape and climate was an incentive motive for the authors of such projects. The article provides some concrete ideas expressed by famous representatives of that time — K. Tsiolkovsky, A. Platonov and L. Leonov.

Keywords: *literature, radical technocratic projects, utopianism, natural environment, "second" nature*

For citation: Gurlenova L. V. «Reconstruction of the Planet»: Ideas of Technocratic Utopia in Russian Literature of the 1920s-1930s. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education.* 2023; 2:40–58. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-2-40>

Введение. Вопрос об отношении человека к естественной природе особую актуальность приобрел с начала 1920-х годов,

остаётся столь же актуальным и в современную эпоху. Он был связан с попытками решить задачу улучшения условий жизни человека за счёт изменения среды (так называемой «первой» природы), поэтому она, её сущностные свойства, стали предметом напряжённых обсуждений. В широком слое российской интеллигенции понимание естественной природы подверглось радикальной переоценке. В крайних вариантах она оценивалась как плохо организованная материя, которая не может дать условий для благополучного существования человека, ограничивает его физические и духовные возможности. Основные обвинения в адрес «первой» природы состояли в том, что она бесконечно порождает разрушительные силы, но не поддерживает созидательное, гармонизирующее начало; создав живую материю, природа ограничила её существование болезнями и смертью; она породила человека, но не создала достойных его условий жизни и пр.

Эти идеи высказывали вначале отдельные критики «первой» природы (например, Н. Федоров, К. Циолковский, вскоре М. Горький и др.), которые и пришли к заключению о необходимости её исправления (ремонта, реконструкции) человеком и создания таким образом «второй» природы (рукотворной). Принципиально важно, что расположенной к восприятию идеи исправления природы оказалась новая творческая интеллигенция, порожденная эпохой революций и войн: ею вдохновились А. Платонов, Л. Леонов («Саранча»), футуристы и пролетарские писатели (В. Хлебников, В. Каменский; А. Гастев, М. Герасимов), авторы «научной поэзии» (П. Драверт) и мн. др. Задачу покорения человеком природы признала важной и советская власть. Следует заметить, что критика «первой» природы была связана и с общемировой тенденцией усиления технократических идей в понимании цивилизационных задач.

Сторонники исправления природы ощущали себя носителями пророческого знания, спасителями человечества, они стремились создать учение об исправлении природы в виде неких перспективных проектов формирования «второй» природы (уже тогда было очевидно, что это утопические проекты), которые получали различную форму, в том числе и художественную. Эти проекты активно пропагандировались с целью получения поддержки в массовой жизни, поэтому они оставили в русской культуре значительный след.

В данной статье представлены наиболее значительные и характерные для эпохи идеи, отраженные в наследии трех крупных представителей русской культуры: К. Циолковского, А. Платонова и Л. Леонова.

Методы исследования, теоретическая база. Исследовательской задачей настоящей статьи является анализ идей радикальной переделки природы в литературе первой трети XX века как междисциплинарного комплекса, включающего различные аспекты осмысления «первой» и «второй» природы, с использованием соответствующего вопросу терминологического аппарата и методов исследования (типологического, структурного, историко-литературного). Заметим, что современные исследователи фиксируют сохранение актуальности темы природы в литературе [1–4 и др.], в статье учтены книги о жизни и творчестве К. Циолковского, А. Платонова и Л. Леонова, изданные в XXI веке [5–7].

Результаты исследования и их обсуждение.

«Будущее Земли и человечества»: утопические проекты К. Циолковского

На многих писателей названной эпохи огромное влияние оказали трактаты К. Циолковского, публиковавшиеся с начала XX века, но наиболее активно в 1920–1930-е годы. К числу наиболее известных относятся «Утописты» (1918), «Живая Вселенная» (1918), «Воля Вселенной» (1928), «Неизвестные разумные силы» (1928), «Космическая философия» (1935) и др. Читательской аудитории были знакомы и научно-фантастические повести «На Луне» и «Вне Земли».

Исходной идеей К. Циолковского в его размышлениях о сути устройства Земли было признание ее автономности по отношению к человеку — она не «учитывает» запросы человека и не предоставляет ему благоприятных условий для существования, не предотвращает голод, болезни и природные стихии. К. Циолковский создает обширную программу переделки природы, цель которой — создание комфортных условий для человека как лучшего творения Земли. Он многократно возвращается к положениям своей программы, повторяя или уточняя идеи, расширяя ее области и обдумывая советы по ее реализации.

К. Циолковский предлагает начать с частных изменений природы — обратиться к исправлению климата наиболее неустроенных частей Земли: подверженных засухам (самая активная тема в

литературе того периода) или испытанию холодом. В «Живой Вселенной» он пишет: «...сухие, песчаные и холодные пустыни сделаются теплыми, плодородными и здоровыми» [8, с. 149].

Следующий этап реконструкции планеты, по К. Циолковскому, — всеохватывающая радикальная переделка земной природы, которая трактуется как единственное условие сохранения человека. Этапы этой программы подробно описываются в трактате «Живая Вселенная».

Она включает тотальное уничтожение «первой природы» (в терминологии Циолковского — «дикой»): растительности и животных.

Автор многократно и по-разному объясняет полезность этой задачи, подробно описывает конкретные действия: уничтожить всю дикую природу, культивировать и расширить на Земле только полезные растения, произвести «дезинфекцию местностей», животных сохранить только в научных учреждениях; использовать океан для разведения на нем полезных водорослей, встречается и такой вариант: уничтожить океаны для простоты использования полезных ископаемых [8, с. 149–152].

А далее описываются задачи масштабного изменения самих условий существования планеты: предполагалось изменить атмосферу Земли, чтобы она стала «ясной, как на Марсе», чтобы было только «небо с малыми следами паров и газов»; сохранить атмосферу только в помещениях, в которых живет человек; заморозить океаны (как видим, описываются разные действия по уничтожению океанов); выровнять земной ландшафт и пр. [8, с. 149–152].

Исправление Земли — лишь малая часть задач человека; по К. Циолковскому, он имеет право и должен стать конструктором космического пространства. Через десять лет после «Живой Вселенной» появится работа «Воля Вселенной», посвященная описанию реализации этой задачи: «Итак, разум и могущество высших существ... ликвидируют зачаточную жизнь на иных планетах и заселяют их своим потомством» [9, с. 26]. Циолковский сравнивает эти действия с трудом «огородника», который уничтожает сорняки на своем огороде.

Обуздать разрушительные стихии природы — такую задачу ставили перед обществом и пролетарские поэты (М. Герасимов, А. Гастев, др.). Эта позиция выражена в известной прозаической миниатюре А. Гастева «Рельсы»: «Дерзко на бой вызывал я земные,

когда-то ужасные, злые стихии; я их победил, приручил, заковал...» [10, с. 155]. Пролетарские поэты создали образ человека, который преобразовывает планету и космос для будущего счастья рабочего человека.

К. Циолковский разработал и программу исправления человека и общества, включающую физическое и нравственное изменение человека и всеохватывающую регуляцию сферы его частной жизни. Центральным звеном этой программы является регуляция браков и деторождения с целью «выведения» породы избранных людей (статьи «Горе и гений», «Живая Вселенная»). Если обобщить его идеи в этом вопросе, можно представить позицию К. Циолковского так: должна быть предсказуемость браков; общества высшего порядка должны иметь право на большее количество рождений, чем низшие, для усиленного размножения; желаемая личность («особь» — в терминологии К. Циолковского) — великодушный, общественный, талантливый, долголетний, плодовитый человек [8, с. 12–21, 148–152].

Свои размышления об этапах совершенствования человека К. Циолковский завершает описанием его конечного результата — будущей формы: «...малопостижимый светоносный эфир ... более простая и упругая /материя/...» [11, с. 382].

Заметим, что К. Циолковский не одинок в своих евгенических проектах. 1910–1930-е годы — время их активного формирования в силу различных причин, главной среди которых была глубокая неудовлетворенность сущью и возможностями человека. Евгенические проекты, возникавшие в России и других странах, имели много общего, что привело к попытке объединения их создателей. В 1910–1930-е годы состоялись международные конгрессы евгенистов. Тема эта сегодня вновь обрела актуальность, в связи с чем были бы полезны гуманитарные исследования обзорного и аналитического характера.

Литература 1920–1930-х годов широко отразила идею строительства нового общества, в том числе и создание искусственного человека. Однако необходимо заметить, что селекционный путь, предложенный К. Циолковским, остался в ней почти не востребуемым, а если и отразился, то в жанре антиутопии. Тормозящее воздействие на эту идею, возможно, оказало общественное нравственное чувство, воспитанное православной культурой предыду-

щего периода. Хотя интересно, что и сам К. Циолковский объяснял свою миссию по регуляции сущего божественным провидением.

Утопическая мысль К. Циолковского завершает круг идей многочисленных его предшественников, среди которых сам он называет Платона, Ницше, Томаса Мора, Кампанеллу; исследователи дополняют этот ряд О. Контом, И. Ньютоном, Ч. Дарвиным, Г. Спенсером, Ш. Фурье, Ветхим и Новым Заветами, «Тайной доктриной» Е. Блаватской, «Философией мистики» К. Дю-Преля [12, с. 125–131]. Заметим также, что ряд положений философии К. Циолковского перекликаются с работой А. Бергсона «Творческая эволюция».

«Обновленная земля»: А. Платонов об «улучшении» природы

В литературе 1920–1930-х годов К. Циолковский сыграл роль не только как автор программы переделки земной/космической природы, но и как посредник между писателями молодой генерации и утопической мыслью прошлого, что дополнительно подержало развитие утопизма в культуре эпохи.

Прямая переключка с идеями обустройства Земли К. Циолковского видна в произведениях А. Платонова, особенно в его статьях и рассказах. Характерно, что, как К. Циолковский, А. Платонов излагает свои идеи публицистически прямо, порой полемически их заостряя, многократно к ним возвращается, обычно с целью дополнительного эмоционального их повторения. Как и К. Циолковский, А. Платонов ощущает себя визионером, открывающим истинную картину будущего.

Роли и задачам человека по исправлению природы посвящен ряд очерков писателя. В хронологическом их представлении видим, что период активной публикации приходится на 1920–1925 годы, но захватывает и 1934 год: «Ремонт земли» (1920), «О науке» (1920), «Преображение» (1920), «Золотой век, сделанный из электричества» (1921), «Потомки солнца» (1922), «О ликвидации катастроф сельского хозяйства» (1923), «Великий работник» (1923), «Об улучшении климата» (1923), «Борьба с пустыней» (1924), «Мелиоративная война против засухи» (1925), «Организация победы над засухой» (1925), «Горячая Арктика» (1934) и др.

В контексте позиции А. Платонова интересны названия очерков: в них использованы слова «наука», «работник», «ремонт земли», «борьба», «война», «ликвидировать», «победа». Они свиде-

тельствуют о том, что писатель, во-первых, представляет человека и природу антагонистами, во-вторых, механистически понимает природу как формальное объединение различных ее законов и материальных элементов, которые с помощью науки и «великого работника» — человека — можно переконструировать для создания новых условий жизни человека.

В вопросе отношений природы и человека А. Платонова привлекают несколько аспектов, которым он придает фундаментальный смысл.

Он пишет, что природа, будучи несовершенной, косной, неизменной, «угнетенной материей» [13, с. 147], являя собою «мертвую мощь мировых сил», создала и человека как несовершенную форму жизни и оставалась в течение длительного времени его полновластным господином. А. Платонов дает ему такую характеристику: он безумен, «темен, скрытен ... и страшен» [13, с. 52].

Человек же, по Платонову, сформировал в себе, вопреки природе, способность к эволюционированию и зажил самостоятельной жизнью, перешел в состояние «непостоянства, усиления, расцвета жизни» («О науке») [13, с. 53], а «безумие» его господина вызвало в нем страсть природоборчества. Следовательно, природоборчество человека — закономерная, объективно сформировавшаяся форма его поведения, позволяющая реализовать заключенный в нем потенциал развития.

Платонов предстает как сторонник сциентизма, повторяя весьма распространенное для постреволюционного времени объяснение, за счет каких ресурсов человек стал «просветленным», «светлым созданием». Таким ресурсом для него является наука, порожденная разумом человека: она «вечный спутник и неизменный друг человека... она его превознесла над всеми живущими существами земли, дала ему победу над всеми силами, вдунула в его тело нетелесную, нечеловеческую мощь...», — писал А. Платонов в очерке «О науке» [13, с. 52].

Характеризуя природу как «мертвую мощь», Платонов ставит вопрос о смысле смерти в картине мироздания. Он делает вывод, что природа обладает разрушающим началом, является символом не жизни, а смерти, но смерть, с его точки зрения, порождена ее неразумными силами творения и не является обязательным элементом жизни («О науке», «Да святится имя твое»).

Писатель множество раз обращается к этому вопросу, представляет смерть врагом человека, с которым тому необходимо бороться. В своем тексте он почти дословно повторяет мысль Н. Федорова и придает своему высказыванию форму побуждения к активному действию: «Мы взорвем эту яму для трупов — вселенную» («К начинающим пролетарским писателям») [13, с. 42].

Как и Циолковский, Платонов размышляет о задаче «исправления» природы для создания среды обитания, достойной человека. Он пишет о задаче улучшения плодородия почв, прежде всего об искусственном орошении земель, шире — мелиорации, предлагая как будто программу мягкого вмешательства в природную жизнь.

Но на самом деле в его текстах уже вызревают идеи радикального переустройства природы.

Форма, которую он избирает для убеждения читателей в правильности идеи исправления природы, напоминает агитационные поэмы В. Маяковского, построенные на основе притчеобразности. Платонов красочно описывает катастрофы, порожденные несовершенством природы, тем самым придавая поучительность описываемой задаче. Он пугает читателя прогнозами глобального изменения климата, которое должно произойти уже в 1920-е годы. Причинами его писатель называет «неорганизованность» природы. Так, описываемая в рассказе «Потомки Солнца» (1922; входит в цикл «Зодчие новой природы») глобальная катастрофа на Земле происходит в современную писателю эпоху — 1923–1924 годы: «... в недрах космоса что-то родилось и вздрогнуло — и земля окуталась пламенем зноя... Оба магнитные полюса стали блуждать по земле...» [14, с. 399]. Писатель изображает далее ситуацию как возможную для регуляции, если только человек решится управлять природными силами. Поскольку, по Платонову, человек обязан быть природоборцем, герои все же начинают управлять природой и уничтожают ее «спазм и бешенство».

Сквозная тема не только для Платонова, но и в целом в литературе 1920–1930-х годов — тема засухи. И трактовка ее типична для этой эпохи — необходимость борьбы с ней с помощью мелиорации. У Платонова эта тема отражена в статьях «Мелиоративная борьба против засухи», «Как единственно возможно ликвидировать засуху» и др. В ряде случаев она представляет частный, мягкий вариант улучшения природных условий, но Платонов перево-

дит ее региональный масштаб в планетарный, чтобы обосновать необходимость применения радикальных мер для приведения природы в «разумный вид». Изменения с помощью мелиорации кажутся ему недостаточными, и он предлагает для борьбы с засухой изменить рельеф земли, а затем (что гораздо более для него важно) и ее климат. Платонов рассуждает о природе как о машине, которую можно переналадить в зависимости от поставленных целей.

Писатель размышляет о том, какими средствами возможно улучшить климат. Эпоха подсказала ему ответ — это взрывные вещества. Он даже вводит понятие «взрывной культуры», подразумевая под этим систему неких действий, и придает ей универсальное значение в деле «ремонта» земли. В статье «Об улучшении климата» (1923) он развивает мысль о «взрывкультуре», которая необходима для «утепления страны», а в «Великом работнике» в пользу изменения климата приводит аргументы экономического характера, говоря о пользе круглогодичного «устройства морских путей в Сев. Ледовитом океане» [13, с. 207–208].

В статье «Об улучшении климата» Платонов рисует утопический пейзаж «размороженной Сибири»: «Работа заключается в канализации теплых течений в Сибирь через горные массивы... / в них / должны быть прорваны каналы для воздушных рек... <...> Размороженная Сибирь! Это должно стать лозунгом Советской России, страны великих открытий» [13, с. 210–211].

Похожая картина рисуется и в рассказе «Потомки Солнца»: «Прорваны галереи для воздушных потоков в горных цепях. Горячий туркестанский вихрь с песком несется к Северному полюсу. Давно разморожены льды обоих северных океанов...» [14, с. 399]. В «Горячей Арктике» (1934) автор развивает свою программу: «По Ледовитому океану пойдут рейсовые корабли, а на месте каракумских барханов будет находиться высшая человеческая цивилизация — социализм» [13, с. 339–340].

Идея «взрывкультуры» еще ранее была высказана Н. Федоровым в его знаменитой работе «Философия общего дела». Он писал: «В бедственный 1891 г., когда во многих губерниях, составляющих житницу России, был голод от засухи... вдруг стало известно об опытах вызывания дождя посредством взрывчатых веществ...» [15, с. 55–57]. Далее он пишет, что взрывчатые вещества ранее использовались для разрушения и смерти, а теперь могут применяться от

голода, так как служат для перенаправления воздушных влажных потоков.

Идею радикальной переделки природы подхватили пролетарские писатели. По словам А. Воронского, главного редактора журнала «Красная новь», они создали «красные псалмы и славословия» машинам, заводам и железобетонным городам [16, с. 211].

В первой половине 1930-х годов увлечение природоборческой идеей в обществе, в научных и творческих кругах спадает. Изживала она себя и в творчестве А. Платонова. Это было связано, вероятно, с разочарованием в возможностях науки, с одной стороны, а с другой — с ощущением ее опасности для цивилизации. Платонов уже не отвергает мысль о разумности природного устройства жизни. В «Записных книжках» он пишет: «Природа — не одна ль из дорог к божеству?» (24-я книжка, 1944 год) [17]. Н. Корниенко, изучившая рукописи А. Платонова, приводит записи писателя о роли человека и природы в истории: «...вовсе не природа, а люди виноваты в гибели прежних цивилизаций», природа же понимается теперь как базисная сила, обладающая могуществом, разумом и творческим даром [цит. по: 18, с. 67]. Технократический энтузиазм и сциентизм в творчестве Платонова были энергичными и мощными, но кратковременными.

«Новорожденная идея замахивается на обветшалый мир»: Л. Леонов

Критика природы увлекла и Л. Леонова, который вошел в молодую советскую литературу с мыслью о том, что прочность современной жизни может придать неоязычество с его уважением к природе. Об этом он пишет в рассказах 1920-х годов.

Но в конце этого десятилетия его позиция резко меняется: его увлекает радикальная технократическая идея. Она нашла отражение в романе «Соть» (1931), но особенно — в повести «Саранча» (1930).

Повесть опубликована во второй половине 1930 года под двумя названиями: сначала в Ашхабаде под заглавием «Саранча», затем в журнале «Красная новь» получила название «Саранчуки». Через несколько месяцев была опубликована отдельным изданием. Интенсивность ее публикаций свидетельствовала о востребованности в эту эпоху темы исправления природы. Повесть написана под впечатлением от поездки Л. Леонова с группой писателей в Среднюю Азию, в том числе в Туркмению. Поездка состоялась в

марте 1930 года, материал о нашествии саранчи так увлек молодого писателя, что он не только в кратчайшие сроки написал повесть, но и изменил свою позицию в вопросе об отношении к природе. Он обновил ее радикально, пересматривая не отдельные положения, а всю совокупность составляющих идей.

Повествование о нашествии саранчи воспроизводит хронологию реального события, включает философские размышления о природных силах, сути природы и ее отношении к человеку. Повесть имеет черты не только документального жанра, но и философского трактата.

Документальное начало создают описания реального нашествия саранчи и борьбы с ней, оно дополняется научными сведениями об особенностях саранчи как вида и образе ее жизни. Философскую линию образуют размышления о сути природы и природных сил, а также об отношениях двух главных составляющих земного мира — природы и человека. Элементы этих размышлений накапливаются по ходу повествования, к концу повести они приобретают вид завершенной концепции.

Рассмотрим, как Л. Леонов понимает суть природы и природных сил.

Все наблюдения и рассуждения принадлежат главному герою — Петру Маронову (можно рассматривать как двойника автора в мировоззренческом плане). Писатель создает такого героя и такую его биографию, которые позволяют придать универсальность его как будто частным наблюдениям и выводам. Он выбирает героя активного, склонного к философским размышлениям, и создает для него особые географо-климатические обстоятельства жизни. Автор помещает его сначала на бесплодную, холодную Новую Землю, вид которой приводит героя к заключению об отсутствии мудрости природы в данном конкретном акте ее творения (ледяная пустыня, сумрачные голые скалы, ветры и метели). Затем переносит его в Туркмению, где он видит бесплодную жаркую пустыню, реки, как «желтые помои», что приводит его к заключению: естественная природа — это океан неорганизованной материи [19, с. 288–289]. С учетом других наблюдений героя это заключение приобретает обобщающий смысл.

В естественной природе герой не находит ничего красивого и полезного для человека. Если в ранних рассказах природа изображалась как воплощение глубокого смысла и красоты, как даже бо-

лее важная для человека, чем Благая весть, то в «Саранче» природа становится воплощением безобразного.

Естественной природе противопоставляются оазисы, созданные людьми, то есть «вторая» природа. Они островки благополучия в природной пустыне, на которых люди создают полезные и красивые формы природы.

Не порождая прекрасное, естественная природа создает великое множество вредных существ, опасных для людей и самой природы: «Туркменский народ знал марокканскую саранчу, что шла из сухих ашхабадских предгорий и глинистых полупустынь; в двадцать седьмом ее разбили почти одновременно с бандами Джунаид-хана. Он знал богарного пруса, который временами стихийно возникал в Голодной степи, на солонцах и зарослях тугая; этот пожирал ровно столько, чтобы вывести свое отвратительное поколение и умереть. Народ слышал даже про эпиляхну, озимую совку, паутинистого клещика — грабителей хлопчатника, виноградников и бахчей, но никто еще не переживал такой, почти библейской, напасти» [19, с. 307].

Впечатляющее перечисление видов «напасти», которая прошла по земле Туркмении, иллюстрирует трактовку «первой» природы М. Горьким (статья «О культуре», 1928): «Первая природа бессмысленно тратит силы свои на создание болезнетворных микроорганизмов ... вреднейших насекомых ... истощая на размножение паразитов здоровые соки...» [20, с. 405].

Описания продвижения саранчи в повести приводят к выводу, что она отвратительный паразитический организм, сильный своим сплоченным множеством и целеустремленностью, которые отсутствуют у любого полезного природного существа. Гибель даже миллионов сородичей не останавливает ее движение к цели: «Все поле, насколько хватало взгляда, двигалось... мельканье хитиновых панцирей... переливалась как бы живая волна...» [19, с. 317]. Сравнение массы саранчи с водой, элементом естественной природы, усиливает критические оценки природных стихий.

Саранча наделяется сильнейшим инстинктом и силой размножения, которой не владеют другие организмы. Автор экспрессивно подчеркивает это рядом глаголов, представляющих короткие циклы жизни саранчи: она рождается, ест, оставляет потомство, линяет, издыхает и снова рождается. Саранча-множество отличается согласностью действий и прожорливостью, жертвой ко-

торой становится все живое: «Они шли, а позади оставалась ободранная, обугленная, загаженная земля, ее гнусный скелет, ее вонючая шкура... И на нем, печальнее могильных камней, торчали обглоданные стержни деревьев» [19, с. 312].

Интересно в приведенном тексте, что саранча используется автором как инструмент открытия истинного лица естественной природы, которое было облагорожено ранее действиями человека, создававшего оазисы. «Гнусный скелет», «вонючая шкура» — эти детали приводят к мысли о недостаточности частного вмешательства в природу, ее улучшения: природа, обновленная внешне, остается в своей конструкции уродливой, бессмысленной и враждебной человеку.

Участвуя в драматических перипетиях борьбы с саранчой, во время которой люди использовали тоннами яды (приводится информация, что необходимо было четырнадцать тонн мышьяка), герой отмечает уникальную жизненную силу саранчи, ее защищенность от гибели (убитые саранчуки снова оживали, чтобы продолжать борьбу) и делает вывод, что саранча обладает этим качеством в ущерб полезным природным организмам и самому человеку. Он вводит в рассказ о борьбе с саранчой исключительные ситуации, которые должны были усилить ощущение смертельной опасности этой борьбы: люди сходили с ума, гноилась кожа, началась эпидемия сыпного тифа.

Уничтожение саранчи ядами напоминает идею К. Циолковско-го о тотальной дезинфекции местности. В повести это изображается как боевое сражение с использованием соответствующей лексики: саранчовый фронт, полки, роты.

Естественная природа, породив саранчу, не способна ей противостать: уже мертвая, саранча издает «тяжелую и жирную» вонь, сводит с ума людей и животных «беспредельным тлением живого органического вещества» [19, с. 331].

Нашествие саранчи, под которой подразумевается вообще «первая» природа, изображается в повести как закономерное и типичное проявление агрессии природы по отношению к человеку и созданному им миру. В связи с этим автор предполагает, что нужны какие-то масштабные, радикальные действия человека по приведению природы в разумный вид. Он поручает своему герою размышлять о наличии в конструкции Земли центров, которые

порождают разрушительные явления и на которые можно упреждающе воздействовать.

Логика развития событий в повести приводит к заключительному вопросу концепции Л. Леонова о характере природы, человека и их отношений. Это вопрос о роли человека в системе земной цивилизации. Оценив естественную природу как организм, в котором изначально неправильно сформирована функция жизнепорождения, автор делает вывод, что, во-первых, природе нужен регулятор, во-вторых, таким регулятором природного организма может стать человек, обладающий разумом и силой науки. Логика размышлений и наблюдений героя, многочисленные библейские и апокалиптические мотивы, расширяющие арену и время действия, приводят читателя к выводу, что программа изменения природы должна быть масштабной, вплоть до оздоровления жизнотворчества природы (это отражает мотив природы — «гносного скелета»), подготовленной в техническом и научном плане. (Герои постоянно сталкиваются с нехваткой средств, человеческих ресурсов, сопутствующими природными катастрофами.) Но в текущем времени — это выполнение человеком функции санитара, чтобы контролировать разрушительные порождения природы. Сюжет повести отражает очищение земли от вредоносного, порождаемого «мудрейшим веществом» — природной материей, символически обозначаемой мотивом «гносного саранчового смрада». Результат этого очищения герой видит, когда уезжает из Азии: это кипы прессованного хлопка, плантации которого удалось восстановить.

В повести, таким образом, разворачивается леоновский вариант «общего дела» — программа исправления природы. Однако концовка повести задает еще один вариант ее возможного прочтения: после всех событий противостояния саранче герой ощущает себя пережившим смену кожи — «линьку» перехода из бунтарского возраста в спокойный и зрелый. Он возвращается на Новую Землю, которую называет теперь теплой.

Следовательно, автор повести не только задает сценарий исправления Земли, но по ходу развития сюжета начинает в нем сомневаться, причем в его фундаментальной составляющей — оценке сути природы. Пережитая через своего героя идея радикального технократизма в отношении природы привела писателя к началу осознания ее ограниченности и опасности для природы и общества. В первой половине 1930-х годов он предпринял критический

анализ технократических идей в своих последующих произведениях (роман «Соть», позже — «Русский лес»).

Заключение. Исследование вопросов радикального исправления природы, отраженных в художественной литературе и публицистике 1920–1930-х годов, позволяет сделать следующие выводы.

Писатели, обратившиеся к этой теме, ощутили на себе влияние идей регуляции природы Н. Федорова и К. Циолковского.

Инициаторы радикального исправления природы действовали, как им казалось, во благо человечества, желали защитить его от голода и неустройства жизни. В основе их концепций находилось разделение единой природы на две антагонистические составляющие: человека и собственно природы («первой» природы). Человека они представляли главной ценностью Вселенной, вынужденной, однако, жить во враждебной ей среде. По их мнению, природная среда не только не могла обеспечить достойное существование человека, но и была направлена против него своими силами и законами.

Радикализм позиции писателей подкреплялся и тем, что природе они понимали механистически, как некий набор материальных условий, который человек, понявший свое особое положение в земном мире, может изменять по своему усмотрению. Душой радикальных идей по исправлению природы было механистическое планирование идеального порядка жизни, достаточно опасное для человечества, потому что оно разрушало живую цельность мира, позволяло уничтожение «несовершенных» форм жизни.

Список источников

1. Богач Д. А. Проблемы понимания образа природы в литературоведческой науке // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 106. С. 22–29.
2. Богданова О. А. Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 288 с.
3. Гречишкина С. В. Творчество Гэри Снайдера: формирование и развитие экософской культуры в США : автореф. ... канд. культурологии. Чита: Забайкальский государственный университет, 2018. 21 с.
4. Семантика сада и леса в русской литературе и фольклоре : сборник научных статей / отв. ред.: А. И. Смирнова, И. Н. Райкова. М.: МГПУ, 2017. 292 с.

5. Варламов А. Андрей Платонов. М.: Молодая гвардия, 2011. 560 с.
6. Демин В. И. Циолковский. М.: Молодая гвардия, 2005. 323 с.
7. Прилепин З. Леонид Леонов: «Игра его была огромна». М.: Молодая гвардия, 2010. 568 с.
8. Циолковский К. Э. Утописты. Живая Вселенная // Вопросы философии. 1992. № 6. С. 132–158.
9. Циолковский К. Э. Неизвестные разумные силы. М.: Московский рабочий, 1991. 44 с.
10. Рабочий чтец-декламатор / сост.: С. Городецкий, Е. Приходченко. Л.: Прибой, 1925. 428 с.
11. Циолковский К. Э. Грезы о Земле и небе. Тула: Приок, 1986. 448 с.
12. Гаврюшин Н. К. Космический путь к «вечному блаженству» (К. Э. Циолковский и мифология технократии) // Вопросы философии. 1992. № 6. С. 125–131.
13. Платонов А. П. Чутье правды. М.: Советская Россия, 1990. 464 с.
14. Платонов А. П. Чевенгур. М.: Высшая школа, 1991. 652 с.
15. Федоров Н. Ф. Сочинения. М.: Мысль, 1982. 711 с.
16. Воронский А. К. Литературно-критические статьи. М.: Советский писатель, 1963. 424 с.
17. Платонов А. П. Записные книжки // Творчество Андрея Платонова. URL: <http://platonov-ar.ru/materials/diaries/> (дата обращения: 12.04.2023).
18. Корниенко Н. В. «...На краю собственного безмолвия»: комментарий к роману А. Платонова «Счастливая Москва» // Новый мир. 1991. № 9. С. 58–74.
19. Леонов Л. М. Собр. соч. : в 10 т. М.: Художественная литература, 1982. Т. 4. 351 с.
20. Горький М. Собр. соч. : в 30 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. Т. 24. 576 с.

References

1. Bogach D. A. Problems of understanding the image of nature in literary science. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 2017, no 106, pp. 22–29. (In Russ.)
2. Bogdanova O. A. *Usad'ba i dacha v russkoj literature XIX-XXI vv.: topika, dinamika, mifologiya* [Manor and cottage in Russian literature of the XIX–XXI centuries: topic, dynamics, mythology]. Moscow: IMLI RAN, 2019. 288 p. (In Russ.)
3. Grechishkina S. V. *Tvorchestvo Geri Snajdera: formirovanie i razvitie ekosofskoj kul'tury v SSHA : avto-ref. ... kand. kul'turologii* [The work of Gary Snyder: the formation and development of ecosophic culture in the United

States: author. ... cand. cultural studies. Chita: Zabajkal'skij gosudarstvennyj universitet, 2018. 21 s. mifologiya. Moscow: IMLI RAN, 2019. 288 p. (In Russ.)

4. *Semantika sada i lesa v russkoj literature i fol'klore: sbornik nauchnyh statej* [Semantics of garden and forest in Russian literature and folklore: collection of scientific articles] / otv. red.: A. I. Smirnova, I. N. Rajkova. Moscow: MGPU, 2017. 292 p. (In Russ.)

5. Varlamov A. *Andrej Platonov*. Moscow: Molodaya gvardiya, 2011. 560 p. (In Russ.)

6. Demin V. I. *Ciolkovskij*. Moscow: Molodaya gvardiya, 2005. 323 p. (In Russ.)

7. Prilepin Z. *Leonid Leonov: "Igra ego byla ogromna"* [Leonid Leonov: "His game was great"]. Moscow: Molodaya gvardiya, 2010. 568 p. (In Russ.)

8. Ciolkovskij K. E. Utopisty. Zhivaya Vselennaya. Utopians. Living Universe. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 1992, no 6, pp. 132–158. (In Russ.)

9. Ciolkovskij K. E. *Neizvestnye razumnye sily* [Unknown intelligent forces]. Moscow: Moskovskij rabochij, 1991. 44 p. (In Russ.)

10. *Rabochij chtec-deklamator* [Working reciter] / sost.: S. Gorodeckij, E. Prihodchenko. L.: Priboj, 1925. 428 p. (In Russ.)

11. Ciolkovskij K. E. *Grezy o Zemle i nebe* [Dreams of earth and sky]. Tula: Priok, kn. izd-vo, 1986. 448 p. (In Russ.)

12. Gavryushin N. K. Cosmic path to "eternal bliss" (K. E. Tsiolkovsky and the mythology of technocracy). *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 1992, no 6, pp. 125–131. (In Russ.)

13. Platonov A. P. *Chut'e pravdy* [A flair for truth]. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1990. 464 p. (In Russ.)

14. Platonov A. P. *Chevengur* [Chevengur]. Moscow: Vysshaya shkola, 1991. 652 p. (In Russ.)

15. Fedorov N. F. *Sochineniya* [Works]. Moscow: Mysl', 1982. 711 p. (In Russ.)

16. Voronskij A. K. *Literaturno-kriticheskie stat'i* [Literary critical articles]. Moscow: Sovetskij pisatel', 1963. 424 p. (In Russ.)

17. Platonov A. P. Notebooks. *Tvorchestvo Andrey Platonova: sayt* [Creativity of Andrey Platonov: site]. Available at: <http://platonov-ap.ru/materials/diaries/> (accessed: 12.04.2023). (In Russ.)

18. Kornienko N. V. «"...on the edge of his own silence": Commentary on A. Platonov's novel "Happy Moscow". *Novyj mir* [New world], 1991, no 9, pp. 58–74. (In Russ.)

19. Leonov L. M. *Sobr. soch. : v 10 t.* [Collected Works in 10 vol.]. Moscow: Hudozhestvennaya literatura, 1982, vol. 4. 351 p. (In Russ.)

20. Gor'kij M. *Sobr. soch. : v 30 t.* [Collected Works in 30 vol.]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1953, vol. 24. 576 p. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Гурленова Людмила Викторовна

Liudmila V. Gurlenova

д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой культурологии и педагогической антропологии, СГУ им. Питирима Сорокина

Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Culture Studies and Anthropology of Education, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University,

167001, Россия, г. Сыктывкар, Октябрьский пр., 55

55, Oktyabrsky Av. Syktyvkar, 167001, Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted

14.03.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing

02.04.2023

Принята к публикации / Accepted for publication

26.04.2023